

Аннотация

Статья посвящена билингвизму великого португальского поэта Ф. Пессоа (1888-1935), оставившего огромный корпус поэтических текстов как на португальском, так и на английском языках. Гетеронимия Пессоа (множественная субъективация) позволяет избежать не только приоритетной идентификации в связи с определенным языком, но и отказаться от самоидентификации как таковой. Опыт Пессоа показывает, что билингвизм важно рассматривать как ключ к другим семиотическим переходам. Билингвизм и культурные трансферы Пессоа могут служить моделью его теории космополитического национализма и эзотерических практик, а также выступают прецедентной моделью для создания поэтических текстов в новейшей литературе.

Ключевые слова: билингвизм, гетеронимия, семиотический переход, субъект, Пессоа

254

Поэтический билингвизм Фернандо Пессоа¹

Фернандо Пессоа можно по праву считать одним из самых известных билингвов в истории мировой поэзии.

Возможно, на сегодняшний день Пессоа – самый известный в мире португальский поэт, а его место в португальской и романской культуре оценивают как равное или даже превосходящее Камюэнса. Как известно, Пессоа выступал под большим количеством гетеронимов; общее количество гетеронимов Пессоа чаще всего оценивается как 72 (хотя в настоящее время с учетом архивных исследований их выявлено больше ста), основные это – Альберто Каэйро, Алваро де Кампуш, «лично Пессоа» и Рикардо Рейс, каждому из которых соответствует самостоятельный поэтический стиль и

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130).

отдельная сконструированная личность с собственной биографией и социально-культурной идентичностью.

Несмотря на то, что в Португалии на протяжении всей истории были тесные контакты с Англией, именно Фернандо Пессоа представляет единственный чистый случай португало-английского поэтического билингвизма. Пристальное внимание к билингвизму Пессоа позволяет поставить ряд теоретических вопросов, которые могут прояснить сущность поэтического билингвизма как такового.

Билингвизм всегда обусловлен биографией, разностью биографического опыта, на основе которой формируется разность поэтического существования в пространстве того или иного языка. Когда Пессоа было пять лет, его мама вышла замуж за команданте Жуао Мигеля Роза, который служил консулом в Южной Африке, в Дурбане, и через неделю семья отправилась в длительное морское путешествие. В Дурбане он сначала поступает в католическую школу, потом в среднюю школу и наконец в коммерческое училище. Его одноклассники вспоминают, что Пессоа говорил по-английски не просто хорошо, так, как будто он был из семьи английских колонистов из Лондона, но он говорил очень академично, и говорил, думал и писал так, как будто он никогда в жизни не писал на каком-либо другом языке [Simões, 1987, с. 56]. Мальчик-Пессоа получил премию за лучшее владение английским языком, а в двенадцать лет ещё и премию за владение французским языком. У него почти не было друзей, и основным занятием его было не учёба, а чтение, а любимым писателем Диккенс, и прежде всего «Записки Пиквикского клуба».

Через несколько лет Пессоа первый раз с семьей возвращается на длинные каникулы в Лиссабон. Именно во время этого пребывания в Лиссабоне, которое длится почти год, он очень много читает английскую поэзию: Шекспира, Мильтона, Шелли. В это время им уже владеет идея писать всё подряд: стихи по-португальски, стихи по-английски, романы на любом языке, и действительно, по-английски он начинает с прозы,

написанной под явным влиянием «Пиквикского клуба» Диккенса, но уже в шестнадцать лет он переходит от написания прозы на английском к поэзии на английском. В это время заканчивается период его официального

255

британского образования, и в итоге, когда он уже один возвращается в 1905 г. в Лиссабон, он не принадлежит полностью ни к одной культуре – ни к португальской, ни к английской, он везде себя чувствует экспатом. Но и его английский особый: получить образование в Дурбане на основе классических текстов английской литературы – это не то же самое, если окончить один из известных английских университетов или жить в Лондоне, как это делает один из гетеронимов Пессоа – Алваро де Кампуш. Тот английский мир, который усваивает Пессоа, – с одной стороны, чисто книжный, а с другой – колониальный; и то, и другое не даёт возможности обрести собственно английскую идентичность, почувствовать английское как своё. Он приплывает из Дурбана книжным, лишённым корней и выращенным в теплице, и, когда в 1918 г. он пишет и публикует свои английские стихи, британская критика отмечает, что в этой поэзии избыточны «ультрашекспировские шекспиризмы». Поселившись в Лиссабоне, Пессоа получает контракт на перевод английских поэтов на португальский. Круг английского чтения расширяется, в нём появляются книги Китса, Теннисона, Бена Джонсона, Эдгара По.

В молодости его ментальная жизнь проходит под знаком английского языка, но его мир чувств соотносится, скорее, с пространством волшебных португальских сказок и народных песенок типа «Корабля Катрины» или «Красавицы Инфанты» - именно тех, что звучат во второй части «Морской оды».

Возможно, по отношению к Пессоа можно применить простую оппозицию «думать на языке» и «чувствовать на языке», причём «думать на

языке» может подразумевать и «видеть сны на языке». Английский язык в метаязыковой рефлексии поэта мыслится как язык универсальный, всеобщий:

*Dos naufrágios, das viagens longínquas, das travessias perigosas.
Esse teu grito inglês, tornado universal no meu sangue* [Campos, 2008, с. 38]

Этот твой крик английский, в моей крови ставший всеобщим
[Кампуш, 2014, с. 212]².

В других случаях сам Пессоа говорил, что он использует английский как научный и общий язык, а португальский как литературный и частный [Pizarro, 2013, с. 111]. Но несмотря на то, что английский предстает как универсальный, он, будучи ментально «своим», парадоксальным образом не перестает быть телесно чужим. Билингвизм Пессоа позволяет ему установить различие между понятиями «думать на языке» и «ощущать на языке»; таким образом, оказывается, что ментализация, формализация на вто-

256

ром языке для билингва предпочтительней, в то время как «сенсационизм» (sensacionismo от порт. *sensación* – ощущение) Пессоа более достижим на первом, португальском, материнском языке.

В этом смысле можно провести некоторую параллель с чувашско-русским билингвизмом Геннадия Айги³: легкостью ментализации для билингва на русском языке объясняется количество абстрактных существительных (на ость) в его русской поэзии – самое высокое за всю историю русской поэзии: 110 на 10000 [Баймуратова, 2012, с. 207], что более, чем в три раза превышает средний показатель в русской поэзии XX в. В какой-то степени поэзия билингва на усвоенном языке сродни абстрактному

² Здесь и далее «Морская ода» цитируется по изданию [Campos, 2008], русский перевод Н.М. Азаровой – по изданию [Кампуш, 2014].

³ О межсемиотических переходах см. подробнее [Азарова, в печати] и [Гланц, в печати].

искусству, а искусство формализации на чужом языке даже более выигрышно.

Трудно себе вообразить человека, который менее всего был приспособлен к тому, чтобы покинуть свою родину, чем Фернандо Пессоа, человека, который, когда это будет в его власти, раз и навсегда усядется в двух-трёх кафе Лиссабона и никогда уже оттуда не сдвинется, не покинет свой ностальгический Лиссабон. Но тем не менее если бы не это путешествие в Африку и жизнь в Африке – Пессоа всё-таки не был бы тем, кем он стал.

В самом Пессоа сочетаются две линии: патриотическая (аристократическая, идущая от идальго), которая логически должна подразумевать монолингвизм, и вторая – традиционный еврейский полилингвизм. Предок Пессоа – Санчо Пессоа де Кунья, на которого Пессоа был очень похож, из новых христиан, в 1706 г. был сожжён инквизицией на костре. Но с отцовской линии в роду присутствовали и идальго с собственным гербом; сам Пессоа говорил, что он происходит из смеси идальго и евреев. С одной стороны – беспокойство, открытость, максимально широкий взгляд, с другой стороны – гордость прошлым, «спокойствие корней».

Очень часто цитируемая фраза Пессоа, причём часто цитируемая вне контекста: «Моя Родина – это португальский язык», поэт как будто однозначно отдаёт предпочтение родному (материнскому) языку по сравнению с любыми усвоенными. Но если посмотреть на контекст, то Пессоа уточняет свое высказывание: его не очень обеспокоило бы, если бы захватили Португалию как страну, но, с другой стороны, он на самом деле ненавидит, когда плохо говорят по-португальски, игнорируя синтаксис или орфографию [Pessoa, 2010, с. 326].

Фраза о родине португальского языка была произнесена в 1931 г., однако по отношению к текстам, написанным десятью или пятнадцатью

годами раньше, можно было с уверенностью сказать, что родиной Пессоа был и английский язык.

257

И эта двойственность Пессоа с его гетеронимами может быть моделью самой Португалии в понимании Пессоа, или Португалия может рассматриваться как билингв и монолингв одновременно, как совмещение билингвальной открытости миру и монолингвальной закрытости, герметичности, маргинальности.

При постановке вопроса о билингвизме возникает кажущаяся неизбежной проблема идентификации, и гетеронимию Пессоа можно рассматривать под этим углом: гетеронимы – это остроумный способ избежать приоритетной идентификации в связи с тем или иным языком, то есть постановки вопроса о том, говоря на каком языке, субъект оказывается тождественен сам себе. Таким образом, билингвизм тесно связан с субъективацией. У гетеронимов Пессоа разная поэтика, и в этом смысле разные языки могут быть соотносимы и с разной поэтикой. Таким образом, семиотический подход к билингвизму уподобляет переход от языка к языку переходу от идиостиля к идиостилю.

Под термином *субъективация* я имею в виду в том числе возможность конструирования внутритекстового субъекта читателем и те средства, которые способствуют реализации этой возможности.

Как невозможно собрать множественный субъект отдельного произведения, например, «Морской оды», в единый конструкт, так и сумма всех гетеронимов поэта не способна смоделировать целого «Пессоа» (может быть, излишне уточнение, что «лично Пессоа» – такой же гетероним, как и остальные), поэтому, строго говоря, даже в рамках данной статьи использование фамилии Пессоа как автора текста(-тов) нельзя считать полностью корректным.

Случай Пессоа убедительно показывает связь билингвизма и гетеронимии, и снова показательным будет обращение к биографии поэта. Еще маленьким Пессоа уже чувствует тоску по утерянному детству, которое он сам определяет как время «когда я был счастлив и никто не умер», а у шестилетнего Пессоа уже появляется его первый ментальный персонаж – шевалье де Пас, от имени которого он пишет от себя себе. К изобретённому в детстве шевалье де Пасу в Дурбане прибавился некий Александр Серч, ещё один воображаемый персонаж, с которым активно переписывался Пессоа и писал письма не только ему, но и от него себе. Характерный случай происходит тогда, когда вся семья собирается на палубе в момент отплытия и прощания с родственниками, но четырнадцатилетнего Пессоа нет; его ищут повсюду и, наконец, неожиданно находят спокойно сидящего в своей каюте с газетой. Он погружён во всепоглощающее занятие разгадывания кроссворда, но оказывается, что это уже не он, а некий А.А. Кроссе, большой мастер разгадывания кроссвордов, и ещё одно альтер-эго Пессоа, присоединившееся к стремительно растущей компании гетеронимов.

258

Связь субъективации с гетеронимией распространяется от концентрации на определенных видах деятельности (разгадывания кроссвордов) к владению определенным языком. Это особенно легко проследить на примере французского. Французский не занимает такого места в творчестве Пессоа, как английский. Пессоа писал по-французски в течение ограниченного времени, и французский был почти всецело зарезервирован за его прегетеронимом Жаном Сеулем де Мелюретом. Поздний Пессоа замечает, что как-то встретил фрагменты, написанные по-французски, но вот уже прошло пятнадцать лет, и с тех пор он читает по-французски так же, как и читал, но он видит, что фрагменты написаны человеком, свободно владеющим французским, так, как он теперь уже этим не владеет, то есть

поздний Пессоа заменил кем-то другим в себе себя владеющего французским.

В то же время какой-либо язык неоднозначно привязан к какому-либо персонажу. Система Пессоа гораздо сложнее, и в ней можно проследить связь билингвизма с тем, что может быть названо «средним арифметическим» субъективации. При помощи билингвизма в широком смысле можно формализовать различные особенности его теории поэзии и различных поэтических практик. Так, в статье гетеронима Пессоа Алваро де Кампуша «Ультиматум» [Campos, 1917] (кстати, отметим, что Алваро де Кампуш тоже пишет свои статьи как по-португальски, так и по-английски) отменяется догмат личности, то есть то, что может существовать личность, отдельная от остальных. Кампуш называет это теологической фикцией: так называемая личность каждого из нас составлена социальным пересечением с так называемыми личностями остальных, и она погружена в разнонаправленные социальные потоки и пересечение унаследованных черт. Всё это явление коллективного порядка: мы все – части остальных, а они части нас, каждый может сказать: «я – все остальные». Также, по Кампушу (Пессоа), мы должны относиться к душе, понимая её взаимопересечения с чужими душами, таким образом приближаясь к Полному Человеку, человеку-синтезу, человечеству.

Подобная множественная субъективация находит выражение и в поэтическом тексте. В «Морской Оде» субъект, смотрящий на причал, уже не идентичен сам себе – он одновременно телесный (ощущающий) субъект и мыслящая (видящая) идея без тела. Это первоначальное раздвоение по ходу поэмы сменяется множественностью субъекта (вернее, множественным субъектом) – декларируется и воплощается стремление *стать всем*, то есть стать любой вещью – как любой вещью в её отдельности, так и вещами в их совокупности или любыми возможными комбинациями этих вещей.

О, быть в преступлении всем, быть всеми его составляющими,
Нападением на корабли, и бойнями, и насилием!

Стольким быть, что было в самом захвате!
Столькими выжившими или павшими на месте кровавых трагедий!
Быть обобщением-пиратом в своём апогее пиратства
И синтезом-жертвой, но из костей и мяса, всех пиратов на свете!

Множественность субъекта воплощается в неопределенности и транзитивности *я* и *мы*, *мы* и *вы*⁴. Противоречивая субъективация не разворачивается в тексте как бинарная оппозиция. В этом сосуществовании противоположностей в субъекте можно усмотреть и *женскую идею*, не позволяющую смоделировать субъект как непротиворечивое целое. У Алваро де Кампуша для того, чтобы *я* сознательно подчинило себя *мы*, растворилось в *мы* пиратов, субъекту нужно отказаться от самоидентификации – социальной, возрастной, национальной, половой. В этой случайной и подвижной комбинации частей души каждая часть души может быть связана с каким-то определённым языком, и в этом смысле билингвизм (или трилингвизм) даёт дополнительные возможности этих случайных комбинаций.

В «Ультиматуме» Кампуш также утверждает, что в обществе, политике, искусстве должны господствовать те индивиды, которые способны реализовать идею посредничества, вернее, среднего арифметического, и вообще нужно забыть о том, что у индивида может быть некое собственное мнение по поводу политики, или по какому-либо другому поводу. В искусстве запрещается концепт Выражения, который заменяется идеей Между-выражения, а философия постепенно вытесняется наукой. В искусстве выражения духа эпохи тридцатью или сорока поэтами заменяется выражением духа эпохи, например, двумя поэтами, у каждого из которых пятнадцать или двадцать личностей, и каждый из которых будет этим самым средним арифметическим социальных потоков момента. |

4 Подробнее см. [Азарова, 2014].

Особый интерес всегда вызывает связь Пессоа с оккультизмом в его различных проявлениях. Действительно, он посвятил несколько лет своей жизни изучению теософии и переводу на португальский язык работ известных теософов, и, очевидно, это делал не просто из любопытства. Более того, на протяжении жизни он изучал и индуизм, и буддизм, и каббалу. В юности, под влиянием тётки, он принимал участие и в спиритических сеансах, но потом оставил эту практику. Предполагается, что всё-таки Пессоа прошёл обряд инициации в Ордене Тамплиеров Португалии, на это намекает и его позднее стихотворение «Инициация» (1932).

Кроме того, существует мнение, что английский был языком для эзотерического выхода для Пессоа, как считают некоторые исследователи творчества Пессоа [Pasi, 2001, с. 695].

260

Действительно, смешение языков (code-switching) часто используется билингвами в практике хеджирования, то есть де-интенсификации табуированной (в том числе сакральной) информации или подачи её в размытом, неопределённом виде, в виде “sort of” («вроде»)⁵.

Пессоа писал, что существуют три пути к сокровищу: путь магии, включающий практики спиритизма (в том числе на уровне умственного ведьмовства, которое тоже магия) – путь предельно опасный во всех смыслах; путь мистики, который не представляет непосредственной опасности, но очень медленный и ненадёжный; и то, что поэт называл «путь алхимии» – самый трудный, но и самый совершенный из всех, потому что он включает трансформацию собственной личности, чтобы подготовить её без особых рисков, а наоборот дать ей защиту в том, чего лишены два остальных пути»

⁵ LM/S serves an important function in hedging (e.g. taboo suppression, de-intensification, or a vague “sort of” expression). Although the formal and functional range of hedging is quite wide and both languages of a bilingual can contribute, the language which is allocated as the “they” code is often used for this purpose, particularly when hedging performs the function of taboo suppression [Ritchie, Bhatia, 2006, p. 346].

(Simões, 1987, p. 416-417). В этом смысле гетеронимия – это тоже алхимия, но и билингвизм по отношению к Пессоа можно воспринимать как некую медиумность, способность человека мыслить «средним арифметическим» рядом языков. В этом смысле билингвизм можно рассматривать как вид «алхимической» подготовки души в понимании Пессоа.

Гетеронимию Пессоа можно рассматривать и как преодоление положения отдельного поэта маргинальной страны, это пример единоличного создания целой национальной литературы, конкурентной Камознсу⁶, способ заселения пустого пространства как национальной, так и вторгающейся в мировую литературы и иной способ обретения эпичности.

Отсюда закономерно возникает проблема рассмотрения билингвизма в свете оппозиции – маргиналия vs. метрополия. В этом смысле можно противопоставить отношение Пессоа к английскому и испанскому языку, то, что принято называть космополитическим национализмом Пессоа [Brito, 2013; Pérez López, 2013].

До Америки в роли культурной метрополии по отношению к Португалии выступала Испания. Еще при жизни Пессоа сталкивался с характерным отношением метрополии и её литераторов к тексту из маргинальной страны. Великие современники-испанцы, например, М. де Унамуну, к которому не раз обращался Пессоа, не обращали на него никакого внимания, оставляя его письма без ответа, а первым португальским поэтом считали отнюдь не Пессоа, а символиста Э. де Кастро. Любопытно, что в Испании для интродукции текста из соседней романской страны в качестве преце-

261

дентного требуется авторитетное подтверждение из-за океана. Поэзию Кастро представил всемирно известный латиноамериканский поэт Рубен

⁶ Похоронен Пессоа по его завещанию рядом с Камознсом, Васко да Гама и королевскими персонами в монастыре San Jerónimo.

Дарио, пользовавшийся в Испании безусловным авторитетом, а Пессоа обретает прогрессивно растущую славу только начиная с 1962 г. после его перевода на испанский и представления нобелевским лауреатом Октавио Пасом⁷. В этой связи небезынтересна полемика Пессоа с Унамуну по поводу испанского языка. Пессоа оспаривает тезис культурной продуктивности португало-испанского или каталано-испанского билингвизма: если основываться на расширении аудитории, то тогда более эффективным, чем язык соседнего большого государства, оказывается английский язык и билингвизм (английский + родной язык).

Сам Пессоа, поэт из маргинальной страны, мыслит маргиналию не только как прошлую, но и как будущую империю, в данном случае культурную. Поэт создает доктрину Пятой культурной империи (иберизм), базирующуюся на греко-романско-арабском культурном синтезе и европейско-атлантическом синтезе, а первым шагом в её создании должно стать создание новой философии и новой литературы. Космополитический национализм Пессоа подразумевает, что маргинал-националист (националист маргинальной страны), чтобы осуществить национальную идею, должен быть космополитом. Культура маргиналии формируется путем оригинальной переработки и синтеза импортируемых (заимствуемых) принципов, без чего она рискует превратиться в интеллектуальное ничто. С другой стороны, именно космополитизм дает поэту возможность заявить всемирно о существовании своей маргинальной страны и транслировать наработанный синтез в метрополию. Само билингвальное творчество Пессоа может служить доказательством этого тезиса. Поэтому билингвизм можно рассматривать как важную составляющую литературного процесса. И творчество Пессоа является убедительным доказательством роли билингвизма в создании статуса прецедентного текста.

Существует огромное количество текстов Пессоа, которое хранится в его чемоданах, архивах, большей частью до сих пор не разобранных. И

⁷ См. также подготовленное Пасом издание переводов Пессоа на испанский [Pessoa, 1985].

огромное количество английских книг в его библиотеке, свидетельствующее о том, что Пессоа, как и Борхес, был настоящим англоманом. До сих пор не существует полной уверенности в количестве текстов, написанных Пессоа по-английски, однако маргинальность Пессоа в англоязычной культуре подтверждается тем фактом, что на английском гораздо больше неизданных текстов, чем на португальском. По разным оценкам количество неизданных английских стихотворений колеблется от 1300 до 1500 [Pizarro, 2013, p. 105]. Часть английских текстов была опублико-

262

вана при жизни под общим названием *English poems*, но трудно было бы представить их публикацию в Англии.

Хотя англоязычные стихи Пессоа менее известны, само наличие их в сознании англоязычных читателей позволяет им воспринимать текст перевода с португальского на английский как вариант оригинального текста. Поэзия Пессоа становится прецедентным текстом не только для романской, но и для англоязычной литературы.

В этом смысле очень показательным стихотворением Аллена Гинзберга «*Salutations to Fernando Pessoa*» (1988) – утверждение о том, что у него (Гинзберга) 25 книг, написанных по-английски (*English books*), а у Пессоа – только три. Это говорит о значимости при обретении статуса прецедентного текста самого факта наличия на то время хотя бы трех изданных поэтических книг, написанных билингвом на английском языке.

Билингвизм Пессоа, его выход за пределы одного языка функционирует как модель прецедентного текста и прецедентного автора, что предполагает более высокую метаязыковую рефлексивность и наличие межъязыкового и метаязыкового сознания как такового. Текст билингва Пессоа имеет больше шансов стать эталонным в условиях глобальной культуры.

По следам Пессоа написан целый ряд современных испанских текстов, так или иначе использующих в своей структуре иноязычные инкрустации. Характерно, что взаимодействие с поэтом, пишущим на близкородственном языке (португальском), идет через английский. Многоязычие и даже цитата из Стивенсона выступает как критерий опознаваемости прецедентного текста Пессоа. Шифтерами опознаваемости текста Пессоа становятся стивенсоновские образы пиратов и интерпретируемая Пессоа песенка о бутылке рома, например, у Фелипе Бенитес Рейеса (рожд. 1960), воображающего ситуацию спора Овидия с Кафкой о настоящей идентичности Алваро де Кампуша (*sobre la verdadera identidad de Alvaro de Campos*) и одновременно макаронически рифмующего фамилию *Stevenson* с *sueños* и *sinistra*.

У Леопольдо Мария Панеро (1948-2014) межъязыковая антитеза Пессоа (испанский – португальский) приобретает антинационалистическую направленность против франкистского имперского диктата самодостаточности одного национального языка, и снова Пессоа опознается по англоязычным вставкам из Стивенсона.

(Me digo que soy Pessoa, como Pessoa era Álvaro de Campos);

Escribir en España no es llorar, es beber,

es beber la rabia del que no se resigna

a morir en las esquinas, es beber y mal

decir, blasfemar contra España

contra este país sin dioses pero con

estatuas de dioses...

263

«Fifteen men on the Dead Man's Chest

Fifteen men on the Dead Man's Chest

*Yahoo*⁸!

And a bottle of rum!»

В этом случае тенденция создания некоего надъязыка при помощи межъязыкового взаимодействия преследует цель преодоления диктата родной языковой картины мира.

Для молодой испанской и мексиканской поэзии более актуальной становится организация текста по принципу многоязычия и зачастую предполагает множественную субъективацию. Многоязычие создает дополнительные препятствия в тексте для «сборки» неустойчивого единого пространства в некий понятный конструкт, позволяет субъекту неоднозначно идентифицировать себя: например, у молодой испанской поэтессы Лауры Касиельес (1987):

aprender

cómo decir gracias en el idioma

de los que también rasgan

y también

se desgarran,

cómo decir

café, cariño, patria,

shalom, salam aalaikum

...

Encontrar las palabras elementales.

Y luego hablar.

В отличие от «чистых поэтов» множественная субъективация легендарного мексиканского субкоманданте Маркоса не создается чисто текстуально, а вызывает интерес и вне литературной ситуации. Поэзия «органического интеллектуала» Маркоса отличается насыщенной интертекстуальностью, а любимым автором, безусловно, выступает Пессоа

⁸ Панеро модифицирует *Yo-ho-ho* Пессоа как *Yahoo*, но и компания *Yahoo* тоже названа вслед за Свифтом (так у него называлась раса грубых, тупых, человекообразных существ).

(причем в равной степени его испанские и английские стихотворения)⁹. Маркос наследует как гетеронимию, так и билингвизм, ведущий к более широкому культурному трансферу – процессу множественного «двойного

264

перевода» с языка индейской культуры на западный язык и обратно – со своего понятийного политического языка левых на концептуальный язык коренного населения, тоже свой.

Билингвизм Пессоа можно рассматривать и как ключ к другим семиотическим переходам. В мышлении поэта-билингва облегчается переход к другим языкам, но и мышление поэта билингва облегчает и обуславливает семиотические переходы разного типа, потому что для него культурный трансфер, как и семиотический переход как таковой – это привычная операция.

Если рассматривать межъязыковое взаимодействие в тексте, модель образа языка, то очевидно, что иноязычная инкрустация служит своеобразной ступенью к надъязыковому переходу: поэт, переходя на английский, затем выходит не только за пределы одного национального языка, но и за пределы конвенционально мыслимого человеческого языка как такового: *возникает непохожий по форме на крик, вне человеческих очертаний голоса*. Пессоа добивается максимального остранения в том числе и графическими средствами, снабжая гласные в английском тексте различными диакритическими знаками, отсутствующими в английском, но характерными для португальского.

Mas isto no tar, isto no ta-a-ar, isto no MA-A-A-AR! / Eh-eh-eh-eh-eh! Eh-eh-eh-eh-eh-eh! EH-EH-EH-EH-EH-EH! No MA-A-A-A-AR! / FIFTEEN MEN ON THE DEAD MAN'S CHEST. / YO-HO-HO AND A BOTTLE OF RUM! /... /

⁹ В качестве примера приведем эпиграф из английского стихотворения Пессоа к одной из глав книги Маркоса.: *I am a fugitive, / Once I was born / They locked me up inside of me / But I left, / My soul searches for me / Through heels and valleys, / I hope my soul / Never finds me.*

AHÓ-Ó-Ó Ó Ó Ó-Ó Ó Ó Ó Ó – ууу!... / SCHOONER AHÓ-ó-ó-ó-ó-ó-ó-o-o-o - уууу! ...

*(Fingias sempre que era por uma escuna que chamavas,
E dizias assim, pondo uma mão de cada lado da boca,
Fazendo porta-voz das grandes mãos curtidas e escuras:*

Ahò-ò-ò-ò-ò-ò-ò-ò-ò-ò – уууу...

Schooner ahò-ò-ò-ò-ò-ò-ò-ò-ò-ò-ò – уууу...)

Этот прием семиотического перехода как следствия межъязыкового взаимодействия возможно использовать и в переводе, где конфликт оказывается еще более выражен, так как диакритические знаки ставятся над кириллическими символами.

Эх-ма, вот это жизнь! это жизнь была, эх-ма!

Эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй!

Эй-лахô-лахô-лаХо-лахá-á-á-à-à!

Эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй!

265

Модель семиотического переноса и культурного трансфера работает не только внутри художественного текста, но и становится применимой к самому конструкту «Пессоа». Фамилия Pessôa писалась с сиркунфлексом, который поэт намеренно снимет (фамилия будет писаться Pessoa), когда он превратится из просто португальца в великого писателя, и это снятие диакритического знака с фамилии будет также знаком превращения фамилии во что-то иное, то, чем фамилия одновременно является и не является, превращением родового имени в некую персону, маску, имя кого-то другого, или любого другого, вне языковой или национальной идентификации.

Библиография

Азарова Н.М. «Морская ода» Ф. Пессоа: о критериях опознания прецедентного текста // НЛО, № 128, 2014.

Азарова Н.М. Многоязычие Айги и языки-посредники // Russian Literature (в печати).

Баймуратова А.С. Абстрактные существительные на -ость в русской поэзии XX века. Диссертация ... кандидата филологических наук. М., 2012.

Гланц Т. (Ино)странный язык поэзии Айги – проблемы и последствия транснационализма // Russian Literature (в печати).

Кампуш А. Морская ода // НЛО, № 128, 2014.

Bhatia Tej K., William C. Social and Psychological Factors in Language Mixing // The Handbook of Bilingualism. Edited by Tej K. Bhatia and William C. Ritchie. Cornwall, 2006.

Brito H. El problema ibérico // Pessoa F. Iberia. Introducción a un imperialismo futuro. Valencia, 2013.

Campos Á. Opiário, Ode Triunfal, Ode Marítima. Lisboa, 2008.

Campos Á. Ultimatum // Portugal Futurista, nº 1. Lisboa, 1917.

Pasi M. «The Influence of Aleister Crowley on Fernando Pessoa's esoteric writings» // Ésotérisme, gnosés & imaginaire symbolique: mélanges offerts à Antoine Faivre. Leuven, 2001.

Pérez López P.J. Imperealismo future de los poetas // Pessoa F. Iberia. Introducción a un imperialismo futuro. Valencia, 2013.

Pessoa F. Antologia. Ed. Octavio Paz. Barcelona, 1985.

Pessoa F. Livro do Desasocego. Ed. de J. Pizarro. Lisboa, 2010.

Pizarro J. Alias Pessoa. Valencia, 2013.

Simões J. G. Vida y obra de Fernando Pessoa. México, 1987.